

А.В. Дмитриева

НАРКОТИКИ КАК ФАКТОР СТРУКТУРАЦИИ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ (на примере правового дискурса)

Статья посвящена анализу новых социальных функций наркотиков, возникающих в контексте современного общества потребления. Для потребителей наркотики становятся «стилизующим» фактором образа жизни. В то же время государство, обладая широкими возможностями законодательной власти, использует ее в качестве инструмента «регуляции» жизни общества, создавая предпосылки для социального исключения индивидов по принципу причастности к наркотикам, таким образом, исключая эту группу из общества как такового. В статье используются материалы эмпирического исследования, составляющего часть диссертационной работы автора: экспертные интервью с криминологом Я.И. Гилинским и с практикующим юристом позволили изучить современную ситуацию в этой области, а также оценить соответствие и «тонкости» применения законодательства в юридической практике.

Ключевые слова: наркотики, общество потребления, структуризация, социальное исключение.

Key words: drugs, consumer society, structuration, social exclusion.

«Наркотики — это такая медленная, тихая, ползучая деградация и смерть».

Директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков РФ В. Иванов

Место наркотиков в обществе потребления

Первые попытки определения «общества потребления» появляются в книгах авторов, ставших классиками, — Т. Веблена, Э. Фромма, Дж. Гэлбрейта (в варианте «общество изобилия»), Ж. Бодрийяра. Одним из наиболее емких определений общества потребления является следующее — «это совокупность общественных отношений, в которых ключевое место играет индивидуальное потребление, опосредованное рынком» (Ильин 2008: 109).

В современном обществе потребительские ценности становятся основными, а социальный статус измеряется наличием ресурсов, необходимых для доступа в референтные потребительские группы. Еще М. Вебер писал о том, что статус — это не только позиция индивида в обществе, но и атрибут социальных групп и коллективных стилей жизни (Weber 1968). В связи с этим заметно расширяется набор конформных потребительских практик и индивидов, участвующих в них по принципу «потреблять как все». В то же время увеличивается роль и количество девиантных потребительских практик, и, соответственно, индивидов, отрицающих и противопоставляющих свои практики общепринятым. Г. Зиммель, рассуждая о причинах существования моды, попутно объясняет причины возникновения девиантного потребления, которые заключаются в необходимости одновременного удовлетворения потребности человека: отличаться от других и быть похожим на других (Зиммель 1996: 268). Другими словами — потреблять не то, что все, но все равно потреблять, или как все, но по-другому. Возрастающую массовость «ненормативного» потребления некоторые исследователи (Белоусов, Гольберт, Костюковский 2010: 447) описывают как процесс поглощения отклонениями социальной нормы, популяризации и «онормализации» известных субкультур, возрастающего количества болезней перепотребления, таких как булимия, анорексия, шопоголизм и т.д.

В то же время возрастает значимость не только потребления как такового (потребление как основа человеческого существования было всегда), сколько значимость его стиля. Иначе говоря, акцент делается не столько на том, «что» потребляется, сколько на том, «как». «Стиль жизни», представляет собой совокупность «опривыченных» практик потребительского поведения, или в терминологии Бурдьё, — «габитус». Исследованием стилевых практик современной российской молодежи, в том числе, включающих потребление алкоголя и наркотиков, в течение последних лет активно занимается Е. Омельченко.

Одним из наиболее ярких примеров «отклоняющегося» от нормы консюмеризма стал небывалый рост потребления наркотиков и выделение в связи с этим специфического «наркотического» образа жизни. Объяснение этого процесса лежит в способности общества потребления активизировать функции наркотиков, являющиеся для него актуальными. Иначе говоря, наркотики удовлетворяют требования, которые предъявляются к предметам массового потребления в современном обществе. Подчеркнем, что в этом заключается новизна подхода автора данной статьи — сочетая известные подходы к изучению общества потребления, анализируется роль наркотиков через теории социальной девиации, структуризации, но не в контексте конструирования социальной проблемы, а с точки зрения «отоваривания» наркотиков, то есть конструирования их как предмета массового потребления.

Таким образом, основными функциями наркотиков, релевантными обществу потребления, являются:

— очевидная гедонистическая функция, идеально вписывающаяся в «инфраструктуру развлечений» и поддерживаемая самой идеологией общества потребления — «патологической жадой вновь и вновь получать удовольствие» (Законодательные инициативы... 2011). Даже трудовая деятельность, считав-

шаяся основной в советские годы, в современном обществе принимает совершенно другой вид. Люди по-прежнему готовы работать больше, но не во имя высоких производственных результатов, а для возможности впоследствии освободить время для качественного и всепоглощающего потребления;

— социализирующая, или интегративная (Гишинский 2009) функция наркотиков связана с приписыванием им социальной ценности, заключающейся в способности ускорять и упрощать процессы включения в некоторые социальные группы, а также усиливать и улучшать коммуникацию. Наркотики становятся не только социальным «аккумулятором», но и структурирующим элементом, организующим вокруг себя специфические отношения, нормы, ценности и т.д.;

— идентифицирующая функция связана с символической ценностью наркотиков, позволяющей выделиться в толпе. В этом случае потребление наркотиков становится способом подчеркнуть свою исключительность и включенность в привилегированные группы/субкультуры, а не исключенность из нормативного большинства;

— в некотором смысле объединяющая перечисленные — «стилизующая функция», т. е. «оформляющая» потребление наркотиков как стиль жизни. Если в формате общепринятого дискурса в связи с наркотиками принято говорить о зависимости и болезни, то дискурс общества потребления интерпретирует эти явления по-своему. Возникает четкое разделение понятий, часть которых сдвигается в область медицины, где речь идет о потреблении опасных физической зависимостью, «тяжелых» наркотиков. Параллельно возникает зона «контролируемого потребления» «легких» наркотиков, с зависимостью от которых «можно справиться, если будет необходимо». Из области осуждаемой обществом зависимости наркотики переходят в область привычки, появляется «drugs-lifestyle», в котором они играют особую «стилистическую» роль.

Потребление наркотиков вписывается в контекст современного общества, в котором стилевые различия и особенности становятся основополагающими не только для молодежи, но и для других социальных групп. Но, несмотря на возрастающую популярность потребления наркотиков, государство не готово пересматривать принципы стуктурации, сложившиеся еще до возникновения общества потребления. Напротив, стремясь расширить границы собственной власти, государство пытается ограничить потребление наркотиков, которое является для него «ненормативным». Исключая индивидов по принципу причастности к наркотикам, государство акцентирует внимание на существовании «проблемы» и конструирует образ наркотиков не в контексте изучения новых стилистических черт общества, а в границах преступления и болезни. И эти номинации очень важны, поскольку «в развитых обществах государство вносит определяющий вклад в производство и воспроизводство инструментов построения социальной действительности» (Бурдые 1999: 141).

Роль государства в конструировании социального статуса

Очевидно, что «чем больше и неограниченнее власть государства, тем значительнее роль его слова» (Ильин 1996: 153), причем слово государства отлича-

ется от слова в привычном смысле. Оно эхом разлетается через каналы СМИ и, фиксируясь в указах и постановлениях, вскоре переносится в законодательные документы. А они представляют собой распisanную наперед карту социального пространства, в котором наиболее очевидными являются только две оси: социальное включение/исключение, норма/преступление.

Обычно сам процесс и механизмы включения скупо описаны в подобных документах, так как их суть в основном сводится к избеганию того, что подробно распisано по оси исключения. Так смысл и стиль жизни индивида сводятся к соблюдению норм и правил, выполнению обязанностей и оправданию ожиданий государства. На границе судебно-медицинского дискурса возникает новый тип власти — власть нормализации, целью которой является приведение в границы нормы тех, кто от нее отклоняется (Фуко 2005). Следуя ему, мы можем говорить не только о социально исключенных, но и о «ненормальных», по сути являющихся теми же исключенными, но получившими свой «ярлык» с помощью других инструментов. Например, принудительное лечение, которое является альтернативой тюремному заключению, но отличается исполнением и характером номинации. Находясь в тюрьме или в тюремной больнице, индивиды одинаково лишаются свободы, но в первом случае их классифицируют как преступников, а втором как «больных» или «ненормальных». Обобщая перечисленные номинации, можно говорить о разных типах стигматизации, каждый из которых начинается со «слова» государства. Ось стигматизации начинается с частного межличностного номинирования и заканчивается уголовным. Между ними помещаются медицинский и административно-правовой типы стигматизации. «Политика государства по отношению к конкретным индивидам исходит не из реального облика человека, а из того, какой ярлык, какой знак приклеен к нему в виде записи в личном документе, в секретном досье или даже в голове имеющего власть субъекта» (Ильин 1996: 197). Дискурсивные средства номинации и кодификации, которыми располагает государство, определяют гражданско-правовой статус любой социальной группы. По мнению П. Бурдьё, «кодификация — это операция приведения в символический порядок или поддержки символического порядка, которая наиболее часто возлагается на высшие государственные бюрократии» (Бурдьё 1994: 123). Получается, что никто не застрахован от того, чтобы в какой-то момент стать преступником, все зависит лишь от «актуальности» обозначения тех или иных действий отклоняющимися от нормы, тогда как клеймо «врага государства» становится «универсальным средством борьбы государства против своих реальных или мнимых противников» (Ильин 1996: 201). В наше время таким клеймом постепенно становится клеймо «потребителя наркотиков».

Итак, власть государства определяется широтой власти «номинирования». Ярким примером работы в этой области является российская политика борьбы с наркопотреблением, которая с каждым годом все больше ужесточается. Вплоть до 2020 г. распisана фактически новая политика недифференцированного «усиления» социального исключения потребителей наркотиков. Опасность такой политики заключается не только в том, что она исключает из общества устойчиво сложившуюся и многочисленную группу потребителей

наркотиков, настаивая на ее криминализации. Учитывая специфику формулировок Уголовного кодекса и коррумпированность милиции, она создает ситуацию принуждения к криминальным отношениям между властью и гражданами.

История криминализации потребления наркотиков*

В терминах Фуко, наказание — это политическая тактика, тогда как уголовный кодекс в целом, придерживаясь такой логики, можно считать стратегией (Фуко 1999). При этом в обоих случаях мы имеем дело с набором слов/номинаций, обладающих чрезвычайной силой принимать форму конкретных действий. Очевидно, что конструирование «запретного» из ранее не запрещенного требует не только слов, но и времени. Таким образом, процесс конструирования криминальных статусов упорядочен топологически и хронологически.

Уголовный кодекс советских времен. Первые попытки сформулировать проблему. В первом Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. статьи, связанной с наркотиками, не было, она появилась четыре года спустя — в первой редакции УК 1926 года. В нем предусмотрено наказание за «изготовление и хранение с целью сбыта и сам сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения». Очевидно, по мнению Я.И. Гилинского: *«это довольно ограниченное количество веществ, и самое главное, что это незаконное хранение с целью сбыта и сам сбыт»* (1:1 (1:8)). Таким образом, в первоначальном варианте УК 1926 г. речь шла лишь о незаконном распространении определенного и довольно короткого, включенного в сам текст УК, списка наркотиков, по всей видимости, наиболее популярных в то время, но само употребление как преступление не классифицировалось. Позднее, в редакции 1934 г. появляются статья 179А — «производство посевов опийного мака и индийской конопли без соответствующего разрешения», и статья 179 — «изготовление, приобретение, хранение, сбыт сильнодействующих и ядовитых веществ». Статья 179А несколько расширяет пространство уголовного преследования, но статья 179, на первый взгляд, расширяющая список запрещенных наркотических веществ, пока не о том — *«тогда под ядовитыми понималось не совсем то, что сейчас. Это не наркотические средства»* (1:2 (8:13)).

В 1961 г. вступает в силу новый УК, который можно обозначить как точку отсчета в процессе криминализации именно потребления наркотиков. К первоначальной формулировке УК 1926 г. добавляется вторая часть статьи 224 — «незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка или пересылка без цели сбыта». *«Здесь одна маленькая хитрость, потребление наркотиков у нас ненаказуемо до сегодняшнего дня, но уголовно наказуемо изготовление, приобретение, хранение и т.д. А как можно употреблять, если ты сам либо не приобрел, либо не изготовил? Это юридический фокус, казус, когда де-юре вроде не запрещено потребление наркотиков, но так, как сформулирован закон, де-факто криминализовано именно само потребление наркотиков»* (1:3 (20:34)). Уже в 1974 г. добавляются статьи 224.1 — «хищение наркотических веществ», статья 224.2 — «скло-

---

* Комментарий к статьям УК РФ дает Я.И. Гилинский (из авторского интервью от 12.04.2011).

нение к потреблению наркотических веществ» статья 226 — «организация и содержание притонов для потребления наркотических веществ», 226.2 — «незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка, либо сбыт сильнодействующих и ядовитых веществ», в которой речь уже идет о наркотических веществах в том числе, и обновляется редакция уже существующей статьи — «посев или выращивание запрещенных к возделыванию культур, содержащих наркотические вещества — опийный мак, южная, маньчжурская, индийская конопля...». *«Плюс многие из этих статей имеют квалифицирующие обстоятельства — групповые, повторные действия и т.д., то есть целый ряд усиливающих ответственность пунктов»* (1:5 (39:47)).

Первый и последний постсоветский УК до внесения поправок. В 1996 г. выходит новый Уголовный кодекс РФ, который после многочисленных редакций продолжает существовать и сегодня. В первоначальном варианте основными отличиями от предыдущего становятся первое появление «крупного размера» и объединение разбросанных по разным статьям пунктов, касающихся наркотиков. В первой части теперь 228 статьи появляется уточнение: «без цели сбыта, но в крупном размере», таким образом, получается, что *«не в крупном размере и без цели сбыта — вроде бы ненаказуемо»* (1:7 (60:62)), а насколько «крупным» должен быть этот размер, меняется еще много раз. Так, например, «крупными» размерами тогда считались — от 20 гр. марихуаны, от 5 гр. гашиша, от 1 гр. героина и от 1.5 гр. кокаина, что по сравнению с внесенными уже к 2006 г. поправками, которые мы проследим дальше, выглядит почти как легализация и декриминализация потребления наркотиков. Также появляется статья 233 — «незаконная выдача, либо подделка рецептов, дающих право на получение наркотических и психотропных веществ». Тут возникает довольно неоднозначная ситуация: появляется первая попытка дифференцировать наказания, вводя «крупный размер», означающий как минимум гипотетическое существование количества меньших размеров, но это приводит к возникновению легального и защищенного «пространства», в котором потребление наркотиков уголовно ненаказуемо.

Современный УК. Бесконечные поправки на пути к ужесточению. В современном глобализирующемся «мире как супермаркете» (Уэльбек 2005) возникают институциональные предпосылки для формирования налаженного рынка потребления наркотиков. Контролировать, регулировать или ограничивать его объективно становится все сложнее. Поэтому российское государство вновь решило произвести резкий скачок — теперь в сторону запрета. Путем постоянного внесения поправок в Уголовный кодекс государство пытается сдерживать потребление, криминализируя его.

Так, в редакции 2003 г. появляются статья 228.1 — «незаконное производство, сбыт, пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» и довольно абсурдная статья 228.2 — «нарушение правил производства, изготовления, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, продажи, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза, либо уничтожения наркотических средств или психотропных веществ, инструментов или оборудования, используемых для изготовления

наркотических средств или психотропных веществ, находящиеся под специальным контролем, а также культивирование растений, используемых в производстве наркотических средств или психотропных веществ, повлекшие их утрату, если это деяние совершено лицом, в обязанности которого входит соблюдение указанных правил». Я.И. Гилянский, комментируя эту длинную формулировку, отмечает, что она, в основном, направлена против должностных лиц: *«на основании этого, в частности, полгода сидели работники одной легальной фирмы, легально продававшей легальное вещество, но Госнаркконтроль решил, что это нарушение правил оборота»* (1:17 (119:128)).

В 2004 г. выходит постановление «Об утверждении размеров средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229», исходя из которых высчитывается «крупный», а теперь еще и «особо крупный» размеры. Крупный размер рассчитывают из соотношения 1:10 СРД, особо крупный — 1:50. Но уже к 2006 г., законодатели осознают собственную «ошибку» и отменяют это постановление, решив, что оно «привело к легализации употребления наркотиков и к обвальному росту смертей от их употребления в нашей стране» (Вермишева 2006). Решение об отмене постановления приводит к необходимости заново пересчитывать «крупный» и «особо крупный» размеры. Вместо легального и защищенного пространства, возникает раздолье для роста статистики по наркостатьям, поскольку размеры уменьшаются в 3-5 раз. Также, помимо крупных и особо крупных размеров, которые еще будут неоднократно меняться, в 2006 г. появляются прекурсоры наркотических веществ. *«Все это иногда доходит до полного абсурда, например, когда по указанию нашего тогдашнего наркоконтроля была запрещена продажа марганцовки, потому что марганцовка используется при очистке, при вареве черного и т.д. Я тогда ввел предложение запретить продажу кастрюлек в магазинах, потому что кипячение с помощью марганцовки происходит, но ведь в кастрюльке»* (1:15 (100:106)).

После 2006 года УК еще не раз редактируется, но: *«К 2009 году все это сохраняется. Но и меняется постоянно, уследить только специалисты. У нас же главное не столько уголовное законодательство, сколько его применение»* (1:18 (120:131)).

Современный статус потребителя-правонарушителя

Государство становится социальным «конструктором», озабоченным потреблением наркотиков. Последствия властного доминирования в номинировании распространяются по трем уровням. Сначала постоянное обсуждение темы наркотиков и наркомании в СМИ формирует выгодные государству специфические образы, навязываемые как единственно правильные и реальные. Затем зрители, обсуждая увиденное или прочитанное, на своем микроуровне «закрепляют» эти образы, осознавая себя как способных «вычислить» и номинировать преступника по полученным описаниям. Так возникают слухи, сплетни, подозрения о том, что кто-то «гадкий наркоман». Далее, когда эти слухи доходят до регулирующих инстанций, начинается процесс материализации слов — для этого у правоохранительных органов существуют специфические

инструменты, такие как «контрольная закупка», несанкционированные обыски с подбрасыванием запрещенных веществ и т.д. И, на последнем уровне, основываясь на правовом документе, видом и сроком наказания измеряется «тяжесть» номинации. Таким образом, потребители наркотиков, оказываясь под воздействием властного номинирования, быстро проходят процесс стигматизации, получая пожизненное «клеймо».

В юридической сфере статус преступника формируется сначала в процессе правоописания, а потом правоприменения, превращения слов в действия. Как утверждает юрист-практик, существуют следующие моменты применительно ко всем делам «о наркотиках»:

1. Обвинительный характер приговоров, направленный на соблюдение политической линии государства, но автоматически нивелирующий смысл правосудия как независимого института.

2. По закону, все сомнения толкуются в пользу обвиняемого, но, как правило, все сомнения толкуются против обвиняемого.

3. Применение «особого порядка», когда подсудимый признает свою вину и дело рассматривается без оглашения доказательств. С одной стороны, подсудимому предлагаются «выгодные условия», то есть смягчение наказания, с другой, идя на них, он добровольно соглашается на вечное клеймо «преступника», легким способом удовлетворяя основную задачу государства — исключение из нормативного общества.

4. *«Провокации» со стороны правоохранительных органов. Есть разъяснение Верховного суда о том, что посредничество не является уголовно наказуемым, но это разъяснение судом общей юрисдикции игнорируется, из-за этого очень часто люди, которые не занимаются распространением наркотических веществ, а оказывают содействие, очень часто оказываются в тюрьме как сбытчики»* (1:9 (131:143)). Так криминализируется не только потребление и распространение наркотиков, но и все «поле», и случайно в нем оказавшиеся.

Очевидно, что в правовой практике потребитель наркотиков заранее, намеренно и недифференцированно классифицируется как «преступник», и даже в тех случаях, когда формально существует пространство для оправдания, подсудимого подводят под так называемый «особый порядок», при соблюдении которого наказание формально ослабляется, но «клеймо» остается.

Подводя итог, отметим, что даже за время сбора эмпирического материала и написания этой статьи изменения дискурса государства в отношении правового регулирования потребления наркотиков не прекращались. В СМИ активно обсуждаются проекты введения обязательного тестирования на наркотики в школах, при поступлении в ВУЗ и при приеме на работу, а также введение принудительного лечения в качестве альтернативы тюремного наказания. Интересно, что читатели интернет-форумов, блогов и прочего, обсуждающие грядущие изменения и предложение обязательного тестирования, в своих комментариях проявляют минимум интереса к тому, какие последствия грозят обществу при таком повороте дел.

Попытка хотя бы немного смягчить законодательство путем введения трехзвенной системы, провалилась. Государство не готово увидеть различия — как

и раньше, для описания социальной дифференциации/номинации хватает категорий пол/возраст, норма/отклонение. Получается, что власть современного государства заключается и в том, что сколь угодно сложный и дифференцированный инструмент кодификации можно растянуть на сколь угодно широкую группу. Все будет под подозрением, а при всеобщем страхе возродится тот, кто все за нас решит.

Литература

Бауман З. Текущая современность СПб: Питер, 2008.

Белоусов К.Ю., Гольберт В.В., Костюковский Я.В. Девиантогенность потребления // Петербургская социология сегодня. Сб. науч. трудов СИ РАН. СПб.: Нестор—История, 2010.

Блог Виктора Иванова. [<http://vp-ivanov.livejournal.com/5988.html>]

Бурдые П. Дух государства. Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. СПб.: Алетейя, 1999.

Бурдые П. Кодификация // Начала. М.: Socio-Logos, 1994.

Вермишева Э. Крупный размер измельчал, по словам независимого депутата Евгения Ройзмана. [http://www.gazeta.ru/2006/02/02/oa_187011.shtml]

Гилинский Я.И. Запрет как криминогенный фактор, или Всякое ли зло нужно запрещать? // Досье на цензуру. 2009. № 30. [<http://www.index.org.ru/journal/30/25-gilinski.html>].

Законодательные инициативы ФСКН (интервью В. Иванова начальнику отдела преступности «Ъ» М. Варывдину о законодательных инициативах ФСКН). 19.04.2011. [<http://www.antisud.com/news/?id=208>]

Зиммель Г. Мода // Г. Зиммель. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юристъ, 1996.

Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ, 1917–1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. М.: Ин-т социологии РАН, 1996.

Ильин В.И. Потребление как дискурс. СПб: Интерсоцис, 2008.

Концепция государственной антинаркотической политики Российской Федерации – Режим доступа: <http://stratgap.ru/pages/strategy/3662/3887/4208/index.shtml>

Омельченко Е. (ред.) Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики. Ульяновск, Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2005.

От редакции: Наркотический эффект // Ведомости 22.04.2011. № 72 (2838). [http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/259071/narkoticheskij_effekt]

Уэльбек М. Мир как супермаркет. М: Ad Marginem, 2005.

Федеральное законодательство: тройное наказание. 19.04.2011. [<http://www.antisud.com/news/?id=206>]

Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ad Marginem, 1999.

Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1974–1975 учебном году. СПб.: Наука, 2005.

Черныш М. Россия держит марку // Контекст. 2000. № 5. Май. [<http://www.soob.ru/>]

Weber M. Economy and Society. 3 volumes. New York: Bedminster Press, 1968.